

— Семья Фэн сделала ставки на несколько сторон, но ни одна из них не сыграла, и теперь они в панике хватаются за соломинку, выдав замуж свою старую деву за сына маркиза Ван, — молчаливо согласился Ци Юньхэн с предположением Оуяна. — Хотя семья Ван и не присягнула мне на верность, они не метались из стороны в сторону, как тростинка на ветру, а просто все вместе спрятались в свои панцири, как черепахи. Но что ещё важнее, императрица с детства была умной и осмотрительной. В те времена, когда она находилась во дворце императора Синхэ, можно было по пальцам пересчитать тех, кто не стал бы твоим врагом, и она была одной из них. Что касается разрыва помолвки, то на первый взгляд это, конечно, нанесло урон репутации императрицы, но также научило её стойкости и терпению — качествам, которые просто необходимы, чтобы удержаться в моём гареме.

— А ты не боишься, что она всё ещё испытывает чувства к тому парню из семьи Фэн? — спросил Оуян.

— На самом деле, я был бы этому только рад, — многозначительно ответил Ци Юньхэн.

Если императрица проявит благоразумие и разорвёт все связи с прошлым, то её семья Ван, чьи ученики и потомки раскиданы по всему миру, станет отличной пешкой и авангардом. Если же императрица Ван всё ещё испытывает чувства к молодому человеку из семьи Фэн, то Ци Юньхэн сможет использовать это как повод, чтобы вырвать с корнем и сжечь дотла эту гигантскую лиану семьи Ван, которая так долго цеплялась за путь к императорской власти.

Угадав намерения Ци Юньхэна, Оуян невольно вздохнул:

— Теперь ты действительно стал настоящим злодеем.

Хотя слова Оуяна звучали как укор, их интонация была соблазнительно игривой. Ци Юньхэн улыбнулся, восприняв это как комплимент, и с удовольствием поднял уголки губ, взял Оуяна за левую руку.

— Пойдём, не будем заставлять вдовствующую императрицу ждать слишком долго.

— Как будто это я всё время задерживаю, — фыркнул Оуян, но всё же сделал шаг вперёд, и они вместе покинули Императорский дворец.

Когда они прибыли в Дворец Цыань, императрица, четыре наложницы, а также принцы и принцессы уже были на своих местах. С криком евнуха «Его Величество прибыло!» все встали и поклонились.

Ци Юньхэн не обратил на них внимания, ведя Оуяна, и, не глядя по сторонам, направился к самому верхнему месту.

Выйдя из Летнего дворца, Ци Юньхэн больше не позволял себе таких интимных жестов, как держание за руку, и они сели на два разных паланкина, соответствующих их статусу. Но в момент, когда он занял своё место наверху, Ци Юньхэн инстинктивно протянул правую руку, сначала усадив Оуяна на боковое место рядом с собой, а затем занял своё собственное.

Согласно предыдущему распоряжению Ци Юньхэна, на этом банкете на верхнем месте были установлены два сиденья. В центре, естественно, находился трон Ци Юньхэна, а немного справа от него — место Оуяна. Вдовствующая императрица и императрица были размещены ниже, слева и справа, образуя противоположные стороны. Затем шли четыре наложницы, также равномерно распределённые по обе стороны. Наложница Гао и наложница Сунь находились со стороны императрицы, а наложница Чэнь и наложница Люй — со стороны

вдовствующей императрицы. Что касается четырёх принцев и принцесс, они сидели рядом со своими матерями, без отдельных мест.

В момент, когда Оуян сел, его взгляд неизбежно встретился со взглядом вдовствующей императрицы Юнь, и он ясно увидел почти переполняющую её злобу в тех глазах, которые были так похожи на глаза Ци Юньхэна.

Но разве Оуян стал бы обращать на это внимание? Конечно, нет.

Оуян слегка улыбнулся, вызываясь поднял уголки губ, затем отвернулся, больше не обращая внимания.

Усевшись, Ци Юньхэн поднял руку в сторону евнуха Вэй, который тут же громко объявил:

— Поднимитесь!

Императрица и остальные только тогда выпрямились, переведя взгляды на верхнее место.

В следующее мгновение в зале раздался шквал вздохов.

— Это и есть императорский супруг?!

— Как он может быть таким молодым!!!

В этот момент даже императрица Ван, которая знала Оуяна, не могла поверить своим глазам. Другие наложницы и слуги начали подозревать, что император подменил человека, выдав любовника за императорского супруга.

Но ведь вдовствующая императрица лично знала императорского супруга. Если бы император действительно подменил человека, разве она бы молчала и не вмешалась?

Пока другие сомневались, императрица Ван заметила взгляды, которыми обменивались Оуян и вдовствующая императрица, а также его неизменно дерзкий вид, и сразу же поняла, что это действительно Оуян.

Она подумала: «Как же я раньше не заметила, что он был таким красивым?»

В тот момент, когда её внимание вновь сосредоточилось на Оуяне, императрица Ван на мгновение замерла.

В её памяти Оуян был высокомерным, коварным и жестоким, но когда дело касалось его внешности, она помнила лишь смутный, но, как говорили, красивый образ.

Все говорили, что Оуян красив, и как бы они ни ненавидели его поведение, никто не осмеливался оскорбить его внешность, разве что добавляли, что он был золотым снаружи, но гнилым внутри.

Но только сейчас императрица Ван поняла, насколько «красивым» был Оуян.

Безупречный! Совершенный! Глубокий!

Хотя черты лица Оуяна не были особенно мужественными, его высокомерная, острая аура компенсировала это, одновременно подчеркивая его пол. Даже самый искусный художник в мире вряд ли смог бы создать более приятного и при этом совершенно не женственного

мужчину.

Она с грустью подумала: «С таким красавцем рядом, кто ещё захочет гарем?!»

Императрица Ван почувствовала, как её сердце забилось быстрее.

Пока императрица Ван боролась с собой, Ци Юньхэн снова поднял руку, указывая всем в зале сесть, и затем произнёс:

— Сегодня день всенародного праздника, и моя семья наконец собралась вместе. Справа от меня сидит мой законный супруг, господин Оу. Хотя у императрицы и наложниц будет не так много возможностей видаться с ним, в повседневной жизни вы должны относиться к нему с уважением и не распространять слухи, которые меня огорчат. Что касается Юйчэ, Юймин, Юйлу и Юйси, они должны относиться к императорскому супругу как к родному отцу, так же, как и ко мне...

Ци Юньхэн строго произносил свои наставления, а Оуян, сидя рядом, скучающе оглядывал присутствующих.

Императрица Ван уже не была той маленькой девочкой, которая едва доходила ему до пояса. Она не только выросла, но и её лицо полностью сформировалось. С детства вращаясь при дворе, она выглядела идеально в своей роскошной придворной одежде, и в ней не было ни единого изъяна.

Четыре наложницы были значительно старше императрицы Ван, но между собой они не сильно отличались по возрасту, все были в районе двадцати с небольшим, не достигнув тридцати. Что касается внешности, мать старшего принца, наложница Гао, была самой заурядной, и одно только её лицо, а также фамилия говорили о том, что она была родной сестрой Гао Мина. Самая красивая из них — наложница Сунь, сидевшая ниже наложницы Гао, но её макияж был слишком тяжёлым, а в глазах читались мрачность и жестокость, что сразу выдавало в ней человека с плохим характером и нелюбимого. Что касается наложницы Чэнь и наложницы Люй, они были каждая по-своему хороши: наложница Чэнь была более сдержанной, а наложница Люй — милой, но ни одна из них не могла считаться красавицей, сильно уступая тем, кто когда-то был звёздами Павильона Пяомяо.

Оуян подумал: «Интересно, существует ли ещё Павильон Пяомяо, и продолжают ли девушки там работать».

На мгновение мысли Оуяна унеслись далеко, но он быстро вернул себя в реальность.

Ему больше не нужно было быть распутным гулякой, Павильон Пяомяо он давно продал, и даже если бы у него была возможность снова туда заглянуть, он бы, вероятно, увидел лишь то, что лица ушли, а персиковые цветы всё так же смеются на ветру.

Собравшись с мыслями, Оуян перевёл взгляд на четверых детей Ци Юньхэна.

Перед тем как войти во дворец, люди Оуяна сообщили ему, что старший сын Ци Юньхэна, Ци Юйчэ, был плохого нрава, будучи ещё ребёнком, он уже проявлял высокомерие и грубость. Но сегодня Оуян не увидел в этом мальчике никакого высокомерия. Он сидел рядом со своей матерью, как будто поджав хвост, словно напуганная собака.

Сидящий рядом с наложницей Сунь третий принц, Ци Юйси, был самым младшим из детей, ему было всего пять лет. Он был худым и незаметным, на первый взгляд казалось, что он

страдает от недоедания. Но его осанка была самой прямой, спина будто была связана бамбуковой палкой. Однако, присмотревшись, можно было заметить, что, несмотря на правильную осанку, всё его тело было неестественно напряжено, а губы плотно сжаты, явно терпя боль.

Оуян сразу же подумал о чём-то неприятном, но затем осознал, что ни одна мать не стала бы использовать такие мерзкие вещи для наказания собственного ребенка.

Оуян тут же отвел взгляд, больше не обращая внимания.

<http://bllate.org/book/16203/1454307>